

РОЛЬ ВЛАСТИ В ФОРМИРОВАНИИ КУПЕЧЕСТВА КАК СОСЛОВИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Киприянова Наталья Владимировна

Д.и.н., профессор, ФГБОУ ВО «Владимирский
государственный университет имени Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
natvlad50@mail.ru

THE ROLE OF THE GOVERNMENT IN THE FORMATION OF THE MERCHANT CLASS AS THE BAR IN THE SECOND HALF OF THE 18TH AND THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

N. Kipriyanova

Summary: In the present article examines the controversial issue of formation of the merchant class in Russia and the impact of government on the process. The stratification of society on the basis of legislative norms was necessary for the state to establish more complete control over its subjects. The government sought to legally formalize the status of the most prosperous social groups of the urban population, regardless of the type of activity and social origin. In the process of forming the Russian merchant class, the state tried to find a balance between its own interests, the interests of the commercial and industrial population and society as a whole. The desire to preserve the leading role of the nobility led to the restriction of the class rights of the merchants. The legislative norms established by the state did not allow the merchant class to become a full-fledged estate.

Keywords: Russia, merchants, estate, the second half of the 18th and the first half of the 19th century, power.

Аннотация: В представленной статье рассматривается спорная проблема формирования купеческого сословия в России и влияния власти на данный процесс. Стратификация общества на основе законодательных норм была необходима государству для установления более полного контроля за подданными. Правительство стремилось юридически оформить статус наиболее зажиточной социальной группы городского населения, вне зависимости от рода деятельности и социального происхождения. В процессе формирования российского купечества государство пыталось найти равновесие между своими собственными интересами, интересами торгово-промышленного населения и общества в целом. Стремление сохранить ведущую роль дворянства привело к ограничению сословных прав купечества. Установленные государством законодательные нормы не позволяли купечеству стать полноценным сословием.

Ключевые слова: Россия, власть, купечество, сословие, вторая половина XVIII – первая половина XIX в.

Проблема становления сословного строя в России привлекала внимание историков XIX в. и остается актуальной до настоящего времени. В дореволюционной историографии сложились три основных концепции, объяснявшие процесс сословного структурирования российского общества:

1. сословия насаждались «сверху», их появление в России – результат целенаправленной деятельности государства, которое стремилось обеспечить свои финансовые и военные нужды [2, с. 239; 11, с. 106, 167]. Юридической основой вычленения сословия считалось определенное в законе различие прав и обязанностей (В.О. Ключевский, М.Ф. Владимирский-Буданов, Г.Ф. Шершеневич) [6, с.225; 1, с. 241; 20, с. 113]. Это был не европейский вариант естественного становления сословий, а следствие определенной политики искусственного формирования социальных групп в соответствии с государственной необходимостью [19, с. 26];

2. сословия образовывались «снизу», как результат предприимчивости части населения, когда отдельные группы лиц в одной сфере деятельности, объединяясь, стремились получить максимальные льготы и преимущества. В такой ситуации государственная власть могла установить размер этих прав (А.С. Лаппо-Данилевский) [10, с. 17];
3. сословия заимствованы из Западной Европы как подражание сложившейся там социальной структуре. Они возникли в результате попыток государства привить к российскому «дереву» чуждые западноевропейские начала. Поэтому сами сословия – хрупкое, искусственное и недолговечное образование [11, с. 228, 233-235; 3, с. 186–188].

Следует признать, что в каждой из этих точек зрения имелось рациональное зерно. Они не противостоят, а дополняют друг друга.

В дореволюционной историографии сложилось устойчивое представление о трансляции по наследству

основных сословных прав и обязанностей. Собственно *сословия* в России возникли только благодаря реформам Екатерины II, а до тех пор жители страны подразделялись на «разряды» без наследования прав и повинностей [20, с. 113]. Императрице предстояло разрешить задачу структурирования общества, и в том числе – определиться с созданием третьего сословия [21, с. 226].

На этой основе существенными являются разногласия в осознании термина «сословие». Некоторые современные исследователи полагают, что главным параметром, атрибутом сословия не должна являться передача статуса по наследству. В первую очередь следует учитывать законодательную характеристику, подтверждающую идентичность, «членство» в данном сословии. В соответствии с этим должен существовать порядок интеграции и процедура завершения пребывания в сословии [17, с.38-39].

В настоящее время отечественные историки для характеристики сословий российского общества используют ряд показателей, предложенных в свое время Б.Н. Мироновым: 1. наличие закрепленных законом особых прав и рода социальной деятельности; 2. наследственность прав и обязанностей; 3. функционирование сословных корпораций или организаций, объединяющих членов данной социальной группы; 4. самобытные, присущие именно данной группе, сознание и менталитет; 5. при функционировании сословно-представительных учреждений – право участия в органах центрального государственного управления, при наличии структур местного управления и самоуправления – возможность практической деятельности; 6. особая, присущая данной группе, внешняя «маркировка» - свои стандарты одежды, причесок, украшений [12, с. 76].

Исходя из сказанного, современными исследователями, помимо формально-правовых характеристик, учитываются такие факторы, как степень осмысления купечеством своей профессиональной деятельности, осознание внутреннего единства на основе «корпоративного духа» и материального бытия, принадлежность к определенной культуре, выработка специфических «купеческих ценностей» [9, с. 127].

В дискуссиях на тему «что есть сословие?» государство всегда выступает фактором, устанавливающим юридический статус социальной группы. Понимание объема этих полномочий власти зависит от позиций исследователя, но функция издания законов – прерогатива только государства.

Однако фактическое отличие сословий заключено не в объеме прав и обязанностей, не в трансляции их по наследству, а в самой *сути, характере этих прав*, т.е. в основной социальной функции (род «професси-

ональной» деятельности). В данном контексте характерна эволюция понятия «купечество». По мнению Н.В. Козловой, в первой половине XVIII в. оно означало *род деятельности* (торговлю), постепенно приобретая характер наименования самих субъектов, занимающихся этим родом деятельности [7, с. 7]. В указе от 25 мая 1775 г. устанавливался 1 % сбор с тех, кто «купечество производят» [14, с. 146]. Сами торговые люди, отправляя в Уложенную комиссию Екатерины II свои депутатские (так называемые «малые») наказания, напоминали, что «купеческое право» – это «право покупать и продавать». В современной литературе также существует точка зрения, что купечество – это «объединение людей, для которых торговля и промышленность являлись профессиональными занятиями, образом жизни» [18, с. 3]. В проекте «Закона о правах среднего рода государственных жителей» уточнялось, что «под общим именем купцов понимаются все те, которые всякого звания торг производят, то есть таковой, который исполняется покупкою, меною и перепродажею товаров» [16, с. 202].

Купечество Нового времени начинает формироваться благодаря преобразованиям Петра I. В это время верховная власть не выделяла социальную функцию в качестве ведущей характеристики. Торговым людям к началу XVIII в. уже были присущи определенные общие черты, которые можно считать сословными, но каждая из этих черт имела незавершенный характер. С середины XVII в. Соборным Уложением для жителей посадов устанавливалось *право заниматься торговлей и промыслами*, что можно рассматривать как начало оформления социальной функции. Однако в этот вид деятельности непрерывно «законно» и «незаконно» могли вторгаться крестьяне, служилые люди и т.д, то есть представители самых разных социальных групп, составляя постоянную конкуренцию. В результате на фоне узости внутреннего рынка купеческие капиталы не могли быть стабильными, что «размывало» купечество.

Регламент Главного магистрата разделил посадское население на разряды «регулярных граждан» и «подлых» людей, обретающихся «в наймах и в чорных работах». Торговых людей причислили к «регулярным», которых в свою очередь подразделили на две гильдии. Однако вместе с купечеством и банкирами в гильдии попали иконники, сапожники, плотники, аптекари, шкиперы купеческих кораблей и т.д. [13]. Таким образом, гильдии не стали корпорациями «представителей сословий», а вобрали в себя значительную часть разнородного посадского населения с исключительно разнообразными социальными функциями.

«Зыбкость», шаткость социальной группы, усиление стратификации внутри гильдий усиливались вследствие *невозможности передачи прав по наследству*. Учреждение ратуш и магистратов не позволяло реализовать

в полной мере провозглашенное *право на самоуправление*, т.к. посадским людям предоставлялась возможность без оплаты и бессрочно выполнять функции бургомистров и ратманов. Подобная «служба» однозначно воспринималась как «тягость». «Защитение» городского «гражданства» – основная цель вновь созданных органов – не могла быть достигнута вследствие низкого авторитета магистратов и скудности их бюджетов. И, наконец, возможность записи в посад лиц различного «состояния» (социального статуса) приводила к своеобразному «перемешиванию» культурных традиций, замедляла становление самосознания и специфического менталитета.

В петровские гильдии иногда могло быть включено от 60 до 80 % населения посада. Это разнородная в социальном плане масса горожан, тем не менее, не просто именовала, но и чувствовала себя «купечеством» на основе «купецкого права» в форме предполагаемой монополии на предпринимательскую деятельность.

Политика правительства по отношению к городскому населению и, в частности, к купечеству, и в дальнейшем была столь же непоследовательной. Екатерина II более четко стратифицировала жителей посада, выделив сообщества купцов, мещан и цеховых; между купеческими гильдиями была проведена граница по роду деятельности и имущественному положению. Статус купечества был повышен, что сказалось, в частности, на правах личности: для членов 1-ой и 2-ой гильдий телесные наказания отменялись. С этого времени термин «купец» ассоциировался с понятием «гильдеец» (член гильдии). Купечество являлось купечеством только в составе гильдии. Однако понятие «гильдеец» не было тождественно понятию «купец». Членами гильдий, как и раньше, могли стать представители разных «состояний» (социального статуса), при этом род деятельности – торговля, промысел, рукоделие, ремесло – не имели значения [15, с. 568]. Екатерина II разделила понятия «торговец» и «торговец»: правительство должно заботиться о развитии торговли, а не торговцев. Это положение стало определяющим в отношении установления купеческого статуса.

Члены гильдий были отделены законом от мелких торговцев, «живущих черною работою» и «самой подлости», однако это не способствовало «оукливанью», обособлению купечества в четких границах сословия. Государство сознательно оставляло эти границы открытыми. Для него не имело принципиального значения, кто входил в состав гильдий. Оно не ставило цели создания сословия как такового. Гораздо важнее была консолидация в городе определенной группы лиц, готовых платить налоги и имеющих навыки ведения торговли, занятия промыслами и развития промышленности. От этих людей во многом зависел экономический потенциал страны. Их переход из гильдии в гильдию или выбывание из

гильдейского статуса для государства не были принципиальны – это компенсировалось возможностью привлечь в состав купечества новых претендентов из числа представителей других социальных групп. В результате существовала высокая социальная мобильность и затруднялось складывание купеческих династий.

Процедура «входа» в состав купечества ограничивалась объявлением «по совести» капитала, который облагался определенным сбором. Поэтому отмечаемая всеми характерная для купечества страсть к наживе, стремление обогатиться любыми, не всегда честными, способами, были не только особенностью мышления или чертой ментальности. Достаток, материальное благополучие было вынужденным условием пребывания в заданных законом границах сословия (и, следовательно, сохранения определенных привилегий).

В первой половине XIX в. купечество, получив комплекс юридически оформленных прав, приобрело относительную стабильность [5, с.25]. Направленность же политики верховной власти в отношении купечества кардинально не изменилась. Е.В. Комлева, рассматривая устойчивость купеческих капиталов городов, включенных в Енисейскую губернию, отметила высокую вертикальную мобильность приенисейского купечества. Лишь 1/6 часть купеческих семей сумела продержаться в составе гильдейцев в течение первой половины XIX в. [8, с. 66 – 73].

Таким образом, подавляющее большинство записавшихся в гильдии было не в состоянии удержать заявленный статус. Этот процесс в равной степени наблюдался как в древних, так и во вновь образованных городах, как в имеющих традиционную промышленную, так и сельскохозяйственную специализацию.

Данный факт наглядно иллюстрируется положением во Владимирской губернии, традиционно имевшую промышленную ориентацию. По данным городских обывательских книг из состава гильдейцев ежегодно выбывало от 20 % до 50 % душ м. п. Для подробного исследования социальной мобильности купечества было выбрано 4 города. Владимир – административный центр со слабо развитой промышленностью. Муром – крупнейший торгово-промышленный город региона. Суздаль – некогда оживленный торговый центр, постепенно приходивший в упадок к середине XIX в. Значительная часть его населения занималась огородничеством. Киржач – город, новообразованный из села в конце XVIII в., даже не имевший купечества на момент провозглашения губернии.

Все города прошли разный исторический путь, имели разный уровень экономического развития. Разными были и ведущие отрасли экономики. Вследствие этого создавались различные условия для развития купече-

ства. Однако во всех городах к середине XIX в. в составе гильдий осталось примерно 10 – 20 % семей, объявлявших капитал в 80-90-х гг. XVIII в. Устойчивость данной ситуации провоцировалась положениями законодательных актов, в соответствии с которыми род деятельности при записи в купечество (гильдию) не имел принципиального значения. Вследствие этого в конце XVIII в. в ряде городов губернии от 25 до 65 % объявленных капиталов принадлежали людям, не являвшимся купцами фактически, по роду деятельности. Только к началу 40-х гг. XIX в. ситуация начала меняться.

Похожие выводы делали и современники. В Шуе, одном из ведущих центров текстильного производства, на Миллионной улице (улица, на которой жили наиболее удачливые предприниматели) с XVIII в. к середине XIX в. сохранилось всего 10% прежних предпринимательских фамилий [4, с. 196 – 197].

Аналогичная картина наблюдалась и в других районах. Проведенные исследования степени социальной мобильности по разным регионам России (Рязань, Тверь, Москва, Владимир, Архангельск, Южный Урал, Сибирь в целом) показывают, что собственно купечеством можно считать лишь 10–25 % лиц, которые в соответствии с законом ежегодно «объявляли» капитал. Величина этих цифр не зависела напрямую ни от рода деятельности, ни от особенностей экономики конкретного региона, ни от таможенной политики правительства.

Торгово-промышленное население городов доби-лось от государства выполнения практически всех пожеланий, высказанных в депутатских наказах. С этой точки зрения можно считать, что процесс формирования сословия – дело рук самого населения, и купечество формировалось «снизу». Государство лишь облекло в законодательную форму высказанные требования. Вместе с тем, время правления Екатерины II – период приобщения России к «цивилизованному», «просвещенному» странам, где монарх должен заботиться об «общем благе» [22, с. 15, 29], определяя «выгоды» для каждого сословия. С этой точки зрения становление купечества – результат подражания европейской сословной структуре. Однако, определяя «выгоды» сословий, верховная власть не забывала и о выгодах собственных: передача купеческого статуса по наследству и создание на этой основе достаточно сплоченной корпорации не входили в планы государства. Появление устойчивой социальной группы, постепенно концентрировавшей в своих руках экономические ресурсы, могло потеснить «подпору престола» – дворянство, к чему государство не было готово. Поэтому все исследователи отмечают социальную «текучесть» купечества. Создание династий (передача статуса по наследству на протяжении нескольких поколений) было характерно лишь для 10 – 20 % купеческих семей. Именно эти семьи и могут считаться купцами в полном смысле этого слова. Исходя из этого, можно отметить, что формирование купеческого сословия происходило во многом не благодаря, а вопреки законодательным установлениям правительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995.
2. Градовский А.Д. История местного управления в России // Градовский А.Д. Собр. соч. В 3 т. СПб., 1899. Т. 2.
3. Градовский А.Д. Начало русского государственного права // Градовский А.Д. Собр. соч. СПб., 1901. Т. 3.
4. Журов Ф.Г. Исторический очерк г. Шуи. Владимир, 1892.
5. Ильина Е. Б., Голубкина Т.М. Социальная мобильность купечества в конце XVIII – начале XX в. (по материалам Владимирской губернии) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 6.
6. Ключевский В.О. История сословий в России. // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. 6. М., 1989.
7. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999.
8. Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.). М., 2006.
9. Куприянов А.И. Русский горожанин конца XVIII – первой половины XIX в. (по материалам дневников) // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000.
10. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики Екатерины II. СПб., 1898.
11. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В. 3. т. СПб., 1905. Т. 1.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (Далее: ПСЗ – I.) Т. VI. № 3708. Гл. 7.
14. ПСЗ – I. Т. XX. № 14327. С. 146.
15. ПСЗ – I. Т. XXII. № 16188. С. 568.
16. Права купцов: проект закона о правах среднего рода государственных жителей // Сб. РИО. Т. 36. С. 202.
17. Смирнов С.Н. Социальная стратификация и проблема правосубъективности в России в XVII – XVIII веках // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты: Сб. статей участников Всероссийской научной конференции молодых исследователей, посвященной 35-летию

- Тверского гос. университета. Тверь, 23 – 26 апреля 2006 г. В 3 т./ Отв. ред. А.В. Винник. – Тверь., 2007. Т. 1. С.38–39.
18. Судакова О.Н. Ценностный мир русского купечества Нового времени (культурологический анализ). Улан-Удэ, 2001.
 19. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996.
 20. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула, 2000.
 21. Ширле Ингрид. Третий чин или средний род: история поиска понятия и слов в XVIII веке / «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М., 2012.
 22. Ширле Ингрид. Понятие политического в России XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018.

© Киприянова Наталия Владимировна (natvlad50@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

